

УДК 070(091)

Г.В.Жирков

ЖАНР ЭССЕ В ТВОРЧЕСТВЕ Л.Н.ТОЛСТОГО

Санкт-Петербургский государственный университет

Social and political essays of L.N.Tolstoy are under investigation. Peculiarities of the essays as a formal-creative phenomenon are singled out. The problem of genre of «Confession» by Tolstoy is considered.

Ключевые слова: Л.Н.Толстой, эссе, публицистика, «Исповедь»

Наши культурные ценности даже в высших их проявлениях мы не передаем от поколения к поколению в достаточной полноте. В этом легко убедиться на примере наследия Льва Николаевича Толстого. Основательно и многосторонне изучены литературная, творческая деятельность Толстого, его мастерство, созданные им блестящие романы, беллетристические произведения, хотя сам писатель нередко заявлял о том, что предпочитает публицистику беллетристике [1]. «До сих пор публицистика относится к забытой части творческого наследия Льва Толстого», — констатирует И.В.Петровицкая, составительница сборника его публицистических сочинений [2]. Предлагаемая читателю статья продолжает начатое кафедрой истории журналистики СПбГУ исследование публицистического наследия Л.Н.Толстого.

Анализируя это наследие, биографы, литературоведы оперировали, как правило, такими терминами, как статья, трактат, обращение. Но жанровая палитра писателя значительно богаче. Она также видоизменялась, трансформировалась, чему способствовали объективные и субъективные факторы.

«Время это, 1881 год, было для меня самым горячим временем внутренней перестройки всего моего мирозерцания, — признавал позднее Лев Николаевич, — и в перестройке этой та деятельность, которая называется художественной и которой я прежде отдавал все свои силы, не только потеряла для меня прежде приписываемую ей важность, но стала прямо не приятна мне по тому несвойственному месту, которое она занимала в моей жизни и занимает вообще в понятиях людей богатых классов» (здесь и далее выделено мной. — Г.Ж.) [3].

Эта внутренняя перестройка мирозерцания, которую Толстой назвал своим «вторым рождением» [4], началась несколько ранее — в 1870-е гг., когда он по-настоящему осознал трагичность положения народа, воочию увидел в 1872-1873 гг. голодающие семьи крестьян, специально объехал несколько сел Самарской губернии, провел опросы крестьян и описал состояние их хозяйств. Под впечатлением бедственного положения деревни Толстой пишет с хутора на Тананыке 28 июля 1873 г. отчаянное открытое письмо «Издателям “Московских ведомостей”», опубликованное в этой газете 17 августа. Обращаясь к издателям двух столиц, он показывает сложившуюся в губернии ситуацию — «последствие трех неурожайных лет». «Корреспонденция графа Толстого была громом, заставившим всех перекреститься», — говорилось в официальном отчете. 1 сентября в «Московских ведомостях» было помещено высочайшее повеление «о повсеместной подписке для сбора приношений» [5].

Открытое письмо «Издателям “Московских ведомостей”» фактически положило начало новому этапу жизни и деятельности Л.Н.Толстого. К сожалению, большинство биографов писателя не уделяют достаточного внимания этому важному эпизоду в его жизни. Работая в это время над романом «Анна Каре-

нина», он уже тогда терзался мучившими его сомнениями: тем ли он вообще занимается? Столкновение с правдой жизни, к которой писатель всегда был гениально чуток, привело его к сознательному пересмотру образа жизни, включая и творчество. «Успех последнего отрывка «Анны Карениной» тоже, признаюсь, порадовал меня. Я никак этого не ждал, — замечает Лев Николаевич в письме от 25-26 января 1877 г. к Н.Н.Страхову по поводу той части романа, которая вышла в декабре 1876 г. в «Русском вестнике», — и, право, удивляюсь и тому, что такое обыкновенное и ничтожное нравится, и еще больше тому, что, убедившись, что такое ничтожное нравится, я не начинаю писать сплеча, что попало, а *делаю какой-то самому мне почти непонятный выбор*» (158).

С другой стороны, писатель осознал и узость той аудитории, которая читала его произведения. «...Не могу писать с увлечением для господ, — делился он переживаниями в письме от 23 сентября 1895 г. к дочери Марии, — их ничем не проберешь: у них и философия, и богословие, и эстетика, которыми они, как латами, защищены от всякой истины, требующей следования ей. Я это инстинктивно чувствую, когда пишу вещи, как “Хозяин и работник” и теперь “Воскресение”. А если подумаю, что пишу для Афанасьев и даже для Данил и Игнатов и их детей, то делается бодрость и хочется писать. Так думал нынче. Надеюсь, что так буду делать...» (305).

Но гениальный художник слова составлял естество Толстого. Декларациями от него не отказаться. В 1865 г., получив от П.Д.Боборыкина его роман «Земские силы» и прочитав его, Лев Николаевич, осмысливая творческий процесс, писал: *«Цели художества несоизмеримы (как говорят математики) с целями социальными. Цель художника не в том, чтобы неоспоримо разрешить вопрос, а в том, чтобы заставить любить жизнь в бесчисленных, никогда не истощимых всех ее проявлениях»*. Писатель мечтал создать такое произведение, над которым и через 20 лет будут «плакать и смеяться; «...я бы посвятил ему всю свою жизнь и все свои силы...» — заверял он (61, 100). *Борьба «целей художества и социальных»* станет для Толстого двигателем к постоянному творческому поиску, приходу к новому литературному методу, синтезирующему мысль, образ, документ, злобу и факт жизни, что ярко представлено в романе «Воскресение», который уже читался миллионной аудиторией, к чему и стремился великий писатель.

Выход романиста, беллетриста на самую массовую аудиторию и злободневную проблематику потребовал от него существенных изменений в формо-творчестве.

Массовая аудитория воспринимает мысль, идею через образ, через чувство и эмоции. Именно то, что Толстой был прирожденным художником, обладал огромным талантом и мощным темпераментом, позволило ему и в публицистике, и в философии органично опереться на эти свои особенности, худож-

ническое восприятие жизни; синтезировать образ, мысль, чувство, эмоции и прийти в результате внутренней работы к новому для него **эссеистическому отражению действительности, при котором произведение оплодотворено и мыслью, и чувством, и энергетикой души, является следствием полемики, сомнений и размышлений, содержит оперативный отклик, ставит жизненно важную проблему, где главный персонаж — Автор с его мыслью и душой, с его энциклопедическими знаниями. Эссеистика дает творцу простор для выражения мысли и чувства, свободу формотворчества.**

Творчество Толстого — великого Сомневающегося, создающего новое через сомнение, критику прошлого и настоящего, — богато эссеистикой. Именно в сложный период сомнений и поиска 1880-1881 гг. Толстой завершает работу над первым своим эссе — «Исповедью». В нем он проводит читателя по страницам своего бытия: от детства, юности, как он пишет: до того времени, «когда со всех сторон» у него было то, что «считается совершенным счастьем». «...Это было тогда, когда мне было пятидесяти лет, — рассказывает автор. — У меня была добрая, любящая и любимая жена, хорошие дети, большое имение, которое без труда с моей стороны росло и увеличивалось. Я был уважаем близкими и знакомыми, больше чем когда-нибудь прежде, был восхваляем чужими и мог считать, что я имею известность, без особенного самообольщения... пользовался силой и духовной и телесной, какую я редко встречал в своих сверстниках... И в таком положении я пришел к тому, что не мог жить и, боясь смерти, должен был употреблять хитрости против себя, чтобы не лишиться себя жизни» (23, 12-13).

Параграф, содержащий это утверждение, начинается со слов «Жизнь моя остановилась», а абзац, где оно находится, — со слов-рефрена «Жизнь мне опостылила». Со всей очевидностью и простотой перед Толстым встал судьбоносный вопрос: «Зачем мне жить, зачем чего-нибудь желать, зачем что-нибудь делать?» (23, 16-17). Толстой начинает искать ответ на него в человеческом знании, в буддизме, магометанстве и «более всего» в христианстве. Он обратился к ученым, богословам, монахам-старцам, сектантам. Лев Николаевич «ухватывался за этих верующих и допрашивал их о том, как они верят и в чем видят смысл жизни». Действительно, писатель в эти годы посетил Оптину пустынь (1877, 1881), Киево-Печерскую и Троице-Сергиеву лавры (1879).

Но Толстой «не мог принять веры этих людей», так как ему казалось, что их вера была «затемнением смысла жизни». Для Толстого вера и жизнь — диалектическое единство: «Вера есть сила жизни. Если человек живет, то он во что-нибудь да верит... Без веры нельзя жить» (23, 35). «Я начинал понимать, что в ответах, даваемых верою, — подчеркивает автор, — хранится глубочайшая мудрость человечества, и что я не имел права отрицать их на основании разума, и что, главное, ответы эти одни отвечают на вопрос жизни» (23, 37). «Исповедь» посвящена поиску не столько веры, сколько смысла жизни вообще.

В таком состоянии Лев Николаевич находился два года. После чего, замечает он, «со мной случился переворот, который давно готовился во мне и задатки которого всегда были во мне. Со мной случилось то, что жизнь нашего круга — богатых, ученых — не только опротивела мне, но потеряла всякий смысл. Все наши действия, рассуждения, наука, искусство — все это предстало мне как баловство. Я понял, что искать смысл в этом нельзя. Действия же трудящегося народа, творящего жизнь, представились мне единым настоящим делом. И я понял, что смысл, придаваемый этой жизни, есть истина, и я принял его» (23, 40). Толстой обратился в своих поисках к «простому трудовому народу» — «к тому смыслу, который он придает жизни» (23, 47).

Но писатель осознал, что его поиск смысла жизни одновременно и «искание Бога». Он выражает это афоризмом: «Знать Бога и жить — одно и то же. Бог есть жизнь». «И Бог так сотворил человека, что всякий человек может погубить свою душу или спасти ее» (23, 46).

Поставленный перед выбором, Толстой решает дилемму радикально: «Я отрекся от жизни нашего круга, признав, что это не есть жизнь, а только подобие жизни...» (23, 47). Лев Николаевич сделал свой выбор смысла жизни, обрел веру и «проснулся». Этим словом и заканчивается его «Исповедь».

Рукопись Толстого была названа им «Что я?». По замыслу она должна была стать частью большого трактата, посвященного религиозно-философским проблемам. Однако по обращенности к самому широкому читателю, по манере исполнения произведение представляет собой **публицистику личного плана, эссеистику**, содержащую размышления о собственной судьбе, ее осмысление, самоанализ.

Сам автор прекрасно осознавал отличие своего нового творения от философских и богословских сочинений. В варианте VII главы «Исповеди» есть свидетельствующая об этом (хотя и не вошедшая в основной текст) фраза: «Если бы я писал книгу философскую, я бы сказал те выводы, которыми опроверг свое отчаяние (я даже и сделал было это, но вычеркнул). Но если бы я писал богословское сочинение, я бы сказал, что Бог спас меня. **Но я хочу описать ход моей душевной жизни как можно правдивее** и потому говорю, что остановило меня от самоубийства. Меня спасло то, что я видел других...» (23, 499). Такая задача — «описать ход моей душевной жизни» — вела к соответствующей ей эссеистической форме изложения текста.

Т.В.Адорно трактует эссе, как форму «негативной диалектики», тотального отрицания. В рамках этой концепции, по мысли М.Н.Эпштейна, назначение эссе — «демонстрировать относительность любых абсолютов, расщеплять все политические и культурные «сплошности», релятивизировать значение слов, лишая их словарной всеобщности и застывшей пропагандистской оценочности» [6]. Толстой еще в июле 1857 г. писал в «Записной книжке»: «Ум, который я имею и который люблю в других, — тот, когда человек не верит ни одной теории; проводя их дальше, разрушает каждую и, не доканчивая, строит но-

вые» (47, 212). И он был во многом верен этому праву и в творческом, и в духовном поиске.

«Эссеистическая личность, по Адорно, есть олицетворение чистого скепсиса, оппозиционно-альтернативного мышления, противостоящего “истэблишменту” с его набором освященных вещностей и овеществленных святых» [7]. Это утверждение экстраполируется на автора «Исповеди» и его произведение, появившееся во время духовных и творческих поисков, включая и поиск в области формы, поиск наиболее точного и полного выражения собственного душевного, психологического состояния.

Конечно, огромную роль для жанра эссе имеет значимость личности его автора для общества, ее оригинальность, индивидуальность автора, его раскрепощенность, умение свободно донести мысль до читателя в любых условиях, умение вести, я бы сказал, монолог. Редактор «Русской мысли» С.А.Юрьев в письме к Толстому назвал его новое сочинение «*рассуждением*» (23, 520). Эссе — жанр синтетический, лежащий на грани литературы и публицистики, философии и литературы, литературы и поэзии и т. д. Недаром существует огромное число определений этого жанра и представлений о нем [8].

Переход от художественных монументальных полотен и картин к религиозно-философским сочинениям и нравственной публицистике сопровождался у Толстого размышлениями о формотворчестве. «Форма романа не только не вечна, — запишет он в дневнике уже после создания «Исповеди» 18 июля 1893 г., — но она проходит. Совестно писать неправду, что было то, чего не было. Если хочешь что сказать, скажи прямо» (270). Запись отражает постоянное бремя Толстого между желанием писать художественное, вечное или — публицистическое, замешанное на современности, злобе дня.

После многих лет публицистической практики, фактически обобщая ее, 12 января 1909 г. Лев Николаевич снова вернется к проблеме формотворчества: «Сейчас много думал о работе. И художественная работа: «был ясный вечер, пахло...» невозможна для меня. Но работа необходима, потому что обязательна для меня. Мне в руки дан рупор, и я обязан владеть им, пользоваться им. Что-то напрашивается, не знаю, удастся ли. *Напрашивается то, чтобы писать вне всякой формы: не как статьи, рассуждения и не как художественное, а высказывать, выливать, как можешь, то, что сильно чувствуешь*» (57, 9). Поразительно! На закате дней продолжается это творческое бремя таланта. В этой записи интересен *типологический жанровый ряд: художественное, рассуждения, статьи и высказывание, выливание без всякой формы*. Собственно, здесь Толстой невольно дал обобщенную картину своего формотворчества: беллетристика, философия, публицистика, эссеистика. Годом ранее этих слов из-под пера писателя вышло замечательное эссе «Не могу молчать!», в котором он как раз и высказал, вылил, как можно, то, что сильно чувствовал. Но собственно то же самое можно сказать и о его «Исповеди».

Ее рукопись была готова к июлю 1881 г. При ее чтении у Толстого в гостях был С.А.Юрьев, кото-

рый посчитал, что статья может пройти цензуру и быть напечатанной в его журнале. Рукопись была отправлена в набор, прошла три корректуры и верстку. При этом автор внес в ее текст немало изменений, дал ей название «Вступление к ненапечатанному сочинению», написал новое заключение. Однако цензор протоиерей Н.А.Сергиевский неодобрительно отнесся к сочинению писателя. Для понимания жанра любопытна реплика из заключения цензора: «С *исступленным отчаянием* он высказывает признание: Я хотел убить себя» [9]. Интересно и то, что в печати произведение Толстого стали называть исповедью. Уже в 1883 г., например, Л.Е.Оболенский, редактор журнала «Русское богатство», замечал на его страницах, что Толстой «поведал миру свою душевную исповедь» (№1, с.216). «Исповедь», первое запрещенное цензурой сочинение Толстого, получила самое широкое распространение. Сначала оно появилось в газете «Общее дело» (№№56-61. Женева, октябрь 1883 — май 1884). Затем один из издателей «Общего дела» М.К.Эллипин опубликовал в 1884 г. это эссе отдельно в виде брошюры, дав ему название «Исповедь графа Л.Н.Толстого. Вступление к ненапечатанному сочинению». С тех пор оно и получило название «Исповедь», которое затем принял и автор.

За границей «Исповедь» переиздавалась много раз. Однако и в России «Исповедь» была вполне доступна читателю. В газете «Новости» 5 февраля 1884 г. была помещена заметка Н.С.Лескова, со ссылкой на иностранную печать сообщавшая, что в Москве в магазинах продано 50 экземпляров «Исповеди» графа Толстого по 25 руб., а в Петербурге якобы их продают дешевле [10]. Историк культуры С.С.Левина насчитала 19 ее, только сохранившихся, изданий, лито- и гектографированных [11].

С выходом в свет «Исповеди» в жизни России появилось совершенно новое явление — **публицистика Толстого, составной частью которой была и его эссеистика. Зазвучал Колокол не из Лондона, а из сердца России — Москвы.** Публицистика документальна. Эссе — документ личностного плана, отражающий состояние автора, его души. В практике Толстого эссе и эссеизм сопутствуют всему его творчеству. Его эссе «Одумайтесь!», «Великий грех», «Не могу молчать!», получившие мировой отклик, представляют собой яркий сплав размышлений и раздумий, чувств и эмоций автора, документальной, критической фактографии.

1. См. постановку проблемы и обзор литературы: Жирков Г.В. Традиции и инновации в исследованиях творческого наследия Л.Н.Толстого // Л.Н.Толстой в мировом коммуникативном процессе: Тез. межвуз. научн. конф. СПб., 2008. С.3-16.
2. Толстой Лев. Пора понять: Избр. публиц. статьи. М., 2004. С.6.
3. Л.Н.Толстой о литературе: Статьи, письма, дневники. М., 1955. С.271-272. Далее ссылки на это издание приводятся в тексте с указанием страницы.
4. Гусев Н.Н. «Исповедь» // Толстой Л.Н. ПСС. Т.23. М., 1992. С.515. Далее ссылки на это собр. соч. Толстого даны в тексте с указанием тома и страницы.

5. Бирюков П.В. Биография Л.Н.Толстого. М., 2000. Т.1. С.374.
6. Эпштейн М.Н. Парадоксы новизны: О литературном развитии XIX — XX веков. М., 1988. С.376.
7. Там же. С.376-377.
8. См. постановку проблем об эссенстике и эссе и их разработку: Канторович В. Заметки о современном очерке. М., 1962. 372 с.; Эпштейн М.Н. Указ соч.; Дмитриевский А.Л. Жанр эссе: Очерк теории жанра. Орел, 2006. 132 с.
9. Б – в Н. (Н.Н.Бахметьев) Толстой и цензура // Новое время. 1 октября 1908 г.
10. Карякин В.Н. Московская охранка о Л.Н.Толстом и толстовцах // Голос минувшего. 1918. № 4-6. С.285.
11. Левина С.С. Нелегальный Толстой // Книга: Исследования и материалы. Сб. XXXVII. М., 1978. С.61.